

ЮЖНОРУССКИЕ СИСТЕМЫ УДАРНОГО ВОКАЛИЗМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ*

© 2015 г. Дмитрий Михайлович Савинов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия
crillon@yandex.ru

В статье представлено синхронное описание южнорусских систем ударного вокализма, а также дан диахронический анализ соответствующего языкового материала. Так, полный параллелизм фонетической структуры дифтонгов, реализующих фонемы /ѣ/ и /ѡ/ в южнорусских говорах различной локализации, указывает на дифтонгическую природу гласного /ѣ/ в древнерусском языке и подтверждает мнение о том, что фонема /ѡ/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы. Фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /y/, /o/ и /e/, а также упрежденность реализаций фонемы /a/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в далеком прошлом противопоставления /ѡ/ ~ /o/ и /ѣ/ ~ /e/.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, южнорусские говоры, ударный вокализм

STRESSED VOWEL SYSTEMS IN SOUTHERN RUSSIAN AS A SOURCE FOR LINGUISTIC RECONSTRUCTION

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia
crillon@yandex.ru

The paper is focussing on the synchronic and diachronic study of stressed vowel systems of the different South Russian dialects. A vowel system which consists of seven phonemes can exist only with diphthongs [iĕ] and [uġ], which are the realization of the phonemes /ѣ/ and /ѡ/ respectively. These diphthongs manifest a completely parallel structure. Firstly, it explains the nature of the diphthongal /ѣ/ in the Old Russian language; secondly, it supports the view that the phoneme /ѡ/ appears to be a correlate of the phoneme /ѣ/, which is a result of the trend towards the symmetrisation of the Old Russian language system. In the archaic South Russian dialects phoneme /y/, /o/ and /e/ may be realised by lowered sounds [ɯ], [ɔ], [ɛ] and phoneme /a/ — by more front sound [a]. The fixation of the sounds [ɯ], [ɔ], [ɛ], [a] in the dialect with the vowel system of five phonemes can be used as an evidence of the archaism of this system and the presence in it not so long ago the opposition of /ѡ/ ~ /o/ and /ѣ/ ~ /e/.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, South Russian dialects, stressed vocalism

Введение

Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующих фонетические системы архаических русских говоров, является отличный от литературного языка набор гласных фонем: сохранение различия /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/. Сегодня семифонемный вокализм — реликтовая диалектная черта. В современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [Панов 1968: 189]. Соотношение между частотностью и дис-трибуцией подобных вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых.

Система противопоставления /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/ может существовать в нескольких вариантах: эти фонемы реализуются различными монофтонгами и дифтонгами, артикуляция которых предполагает разнообразные переходы от одного звукотипа к другому. Специфика диалектных различий в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма выявлена в известной статье С. С. Высотского [1967]. Основные виды локализации подъемов гласных представлены в указанной работе с некоторой степенью условности и не исчерпывают того многообразия, которое может обнаружиться при дальнейшем изучении архаических говоров. Они дают лишь общее представление о структурной сложности семифонемной системы, отражают функциональные связи и возможные способы распределения ее значимых элементов на синхронном уровне. Для диахронической интерпретации фонемных изменений, которые происходят в различных вокалических системах, необходимо комплексное исследование всего многообразия звукотипов, характерных для русского диалектного языка в целом и для южнорусского наречия в частности.

Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик ударных гласных, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований — дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость / твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем. Наибольшее внимание в дальнейшем описании уделено аллофонам, реализующим /ѣ/, /ω/, /e/ и /o/, поскольку звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне.

1. Фонемы /ѣ/ и /ω/

Данные большинства архаических систем вокализма свидетельствуют о том, что основными реализациями фонем /ѣ/ и /ω/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [iѣ] и [yω]: *д[’iѣ]душка, д[’iѣ]вкиной, в Москв[’iѣ], об[’yω]рки, за ст[’yω]л, скул[’yω]*¹ (‘передняя часть печи’) и др.

Первые компоненты этих дифтонгов обычно не отличаются ни по слуховому впечатлению, ни по формантным характеристикам от аллофонов фонем /и/ и /у/. При этом значения F₁ первой части дифтонга [yω] несколько превышают аналогичные значения дифтонга [iѣ], что отражает соответствующие отношения между основными реализациями фонем /у/ и /и/. Последняя фаза дифтонгов на месте /ѣ/ и /ω/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /e/ и /o/. Поэтому несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /e/ и /o/, характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте

¹ Соответствующие графики (осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности) здесь и далее опущены для экономии места; с ними можно познакомиться в диссертационном исследовании [Савинов 2013: 98—190], размещенном по адресу: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/savinov.pdf>.

фонемы /ω/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /ε/ отмечено произношение звука [ε], последняя фаза дифтонга [и̯ε] также может локализоваться в зоне средне-нижнего подъема, что зафиксировано, например, в селах Солдátское Старооскольского р-на Белгородской обл. и Кирéйково Ульяновского р-на Калужской обл.

Скольжение тембра сложных гласных [и̯ε] и [у̯ɔ] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности, их начальные и-образный и у-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, подобное количественное соотношение между фазами дифтонгов на месте /ь/ и /ω/ можно признать характерной чертой архаических южнорусских говоров [Касаткин 1999: 380]; при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ь/ и /ω/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильноконечным образованием.

Особенно часто звуковые комплексы, наиболее полно представляющие шкалу последовательной смены ступеней подъема, отмечаются в сильной фразовой позиции: при выделенности слова. Под влиянием ритмико-просодических условий неоднородные гласные на месте /ь/ и /ω/ получают большее растяжение и становятся полифтонгами типа [и̯εε] или [у̯ɔɔ], последний наиболее открытый участок которых обычно образуется в зоне средне-нижнего подъема.

В некоторых южнорусских говорах происходят еще более значительные тембральные изменения ударных гласных, что также связано со значительным просодическим выделением слова и обычно фиксируется в конце речевого периода в позиции ауслаута, а также при изолированном произнесении слова. В этом случае звуковые комплексы, реализующие фонемы /ь/ и /ω/, в завершающей части могут достигать а-образного тембра иногда с оттенком редукции в последних фазах: *ведр*['и̯э̃], *молок*[у̯о̃а] и др.

Иногда фонемы /ω/ и /ь/ реализуются дифтонгоидами [у̯ɔ] и [и̯ε] с незначительным изменением тембра: на *бол*[у̯ɔ] *те*, *б*[у̯ɔ] *льше*, *б*['и̯ε] *тим*, *б*['и̯ε] *гати* и др.; их у-образная и и-образная части обычно не превышают 30% общей длительности звука, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги верхне-среднего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей, одна из которых значительно преобладает над другой, представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате постепенной монофтонгизации соответствующих дифтонгов.

Этот процесс протекает с разной степенью интенсивности во многих архаических южнорусских говорах. Практически в любой системе фонемы /ω/ и /ь/ могут реализоваться не только дифтонгами, но и различными монофтонгами, особенно часто однородные гласные фиксируются в безакцентных участках высказывания, при отсутствии выделенности слова. Кроме того, гласный, реализующий фонему /ь/ между мягкими согласными, имеет тенденцию к повышению уровня образования; неслучайно в некоторых диалектных системах в указанном положении произносится исключительно звук верхне-среднего подъема [ε], что может быть характерно как для сильной, так и для слабой фразовых позиций.

Последовательное развитие процесса монофтонгизации дифтонгов на месте /ь/ и /ω/, как правило, приводит к становлению системы вокализма, различающей три степени подъема. Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем в сильных (чаще — в «гиперсильных») фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения semifонемной системы вокализма: произношение на месте этимологических фонем /ь/ и /ω/ «полноценных» дифтонгов [и̯ε] и [у̯ɔ]. В качестве примера можно привести говор с. Анненково Фатéжского р-на Курской обл., который характеризуется пятифонемной системой вокализма. Однако при эмфазе, а также удлинении гласного на месте /ь/ и /ω/ под ударением встречаются дифтонги: *хэладно́й*, *во́рт*, *с'м'и́эху* [Касаткина 1999: 66].

Следует отметить, что не всегда монофтонгизация дифтонгов [и̯ε] и [у̯ɔ] приводит к утрате оппозиций /ь/ ~ /ε/, /ω/ ~ /ɔ/. Во-первых, зоны рассеивания фонем /ь/ и /ω/, локализующиеся в области верхне-среднего или среднего подъемов, могут не смешиваться

с зонами рассеивания фонем /е/ и /о/ благодаря общему увеличению артикуляционного пространства. Так, понижение основных реализаций фонем /е/, /о/ и /а/ наблюдается в говоре с. Солдатское и способствует стабильному сохранению здесь semifонемной системы вокализма, а также архаических типов аканья и яканья.

Во-вторых, противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /е/, /ѡ/ и /о/ последовательно проводится в тех говорах, которые сохраняют общую напряженную артикуляционную базу. Ранее зависимость между высокой степенью напряженности артикуляции и стабильным сохранением semifонемного вокализма была описана для некоторых севернорусских говоров Вологодской и Кировской областей [Касаткина 1991: 210—215]; подобная особенность отмечена также в некоторых юго-западных диалектных системах, например в с. Кирейково, подробнее см. [Савинов 2014: 308—311].

Фонема /ѡ/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, а также после отвердевших шипящих. Эти случаи, как правило, отмечаются в суффиксах и флексиях и «могут быть объяснены как явившиеся по аналогии»: *плеч' ѡ/*, *бель' ѡ/* (как *сел' ѡ/*), *горяч' ѡ/* (как *тепл' ѡ/*), *Селезн' ѡ/в* (как *Петр' ѡ/в*), *земл' ѡ/ѣ* (как *сестр' ѡ/ѣ*), *на ч' ѡ/м* (как *на т' ѡ/м*) и т. д. [Васильев 1929: 23]. Указанная особенность не ограничивается только суффиксами и окончаниями, а распространяется также и на некоторые корни: *тл' ѡ/тка*, *мл' ѡ/пло*.

В южнорусских говорах /ѡ/ после мягких согласных так же, как и после твердых, обычно реализуется восходящим дифтонгом (или полифтонгом), но в отличие от «классического вида» имеет в экскурсии короткую переходную фазу с тембром переднего гласного, за которым сначала следует упереденная *y*-образная часть с низким уровнем лабиализации ($F_2 = 1200—1400$ Гц), а затем *o*-образная часть, образующаяся в зоне среднего или средне-нижнего подъема (типа [“*y*o”] или [“*y*o”]).

Описанная особенность характерна далеко не для всех архаических южнорусских систем. Например, в с. Верёте Острогжского р-на Воронежской обл. после мягких согласных как в соответствии с /ѡ/, так и в соответствии с /о/ фиксируется гласный среднего подъема [o] с небольшим *u*-образным начальным элементом, что свойственно и литературному языку. Наличие этого единого звукотипа в позиции после мягких согласных указывает на общую низкую значимость в местном говоре фонологической оппозиции /ѡ/ ~ /о/. По данным К. В. Горшковой, фонемы /ѣ/ и /ѡ/ дольше сохраняются в тех говорах, где «в результате морфологических процессов возникает сочетание “мягкий согласный + /ѡ/” — /с' ѡ/, устанавливается фонологическое противопоставление /ѡ/ — /ѣ/ с ДП “лабиализованность-нелабиализованность”» [Горшкова 1972: 116].

Употребление особых реализаций /ѣ/ после твердых согласных обычно представлено либо во флексиях типа *на конц' ѣ/*, *в шалаш' ѣ/*, *в душ' ѣ/*, либо в корнях: *ц' ѣ/лый*, *ц' ѣ/вка*, *ц' ѣ/п*, *ц' ѣ/ны*. В некоторых южнорусских говорах с semifонемной системой вокализма в этой позиции произносятся различные дифтонги (и более сложные гласные образования), а также монофтонги верхне-среднего подъема, несколько отодвинутые в сторону передне-среднего ряда. Наличие особых аллофонов фонемы /ѣ/ после отвердевших шипящих и [ц], отличающихся от аллофонов /е/ (*ц' [ѣ]вка*, но *ц' [ѣ]рка*), можно признать архаической диалектной чертой, которая исключительно важна для фонологической интерпретации звукотипов на месте исконных *ѣ и *е. Различение этих гласных в положении после согласных, внепарных по твердости/мягкости, «позволяет говорить о противопоставлении в говорах <ѣ> и <е>» [Касаткин 1999: 396; Высотский 1967: 52].

В исследованиях некоторых диалектологов содержится указание на то, что фонема /ѡ/ в ряде южнорусских систем может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [yо], но и нисходящими дифтонгами типа [оу]. Так, З. В. Жуковская приводит следующие примеры, записанные в нижнедевицких говорах: *ноўжык*, *коўжын*, *скоўл' на́да*, *поўт* («часть печи»), *т'оўтка* [Жуковская 1954: 65].

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /ѡ/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдению З. В. Жуковской: эта фонема всегда

представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полифтонгами) с восходящей силой звука. Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно у губных и заднеязычных согласных: *к^ωѹѹт*, но *кзы*, *раб^ωѹты*, но *бэх* и т. д., см. [Высотский 1949: 11—12]. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [yō] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. Описанная ситуация характерна, например, для говора с. Солдатского, где перед гласным [о], реализующим в большинстве случаев фонему /ω/, произносится сильно лабиализованный согласный, что создает на перцептивном уровне отсутствие контраста между этим монофтонгом и дифтонгическими образованиями типа [yō] на месте /ω/, но противопоставляет эти гласные аллофонам фонемы /о/.

Очевидно, что говоры, для которых характерен дифтонгический переход между гласным и согласным типа *С^ωѹѹ*, представляют собой более архаичные системы по сравнению с теми, в которых дифтонгический переход выражен слабее, а тембровая окраска первых фаз гласного создается исключительно за счет сильной лабиализации предшествующего согласного: *С^оѹ*; это же верно и относительно пары *С^ѹѹѹ* и *С^ѹѹѹ*. Очевидно, что изменение *С^ωѹѹ* → *С^оѹ* и *С^ѹѹѹ* → *С^ѹѹѹ* демонстрирует переход от силлабем, то есть нерасчлененных сочетаний согласного с последующим гласным, к отдельным фонологическим единицам, составляющим слог, где определяющую роль играют консонантные элементы.

Таким образом, фонетическая структура основных дифтонгических реализаций фонем /ѹ/ и /ω/ обнаруживает полный параллелизм как в тембральных характеристиках их частей, так и в структуре распределения силы звука; подобное соотношение основных аллофонов /ѹ/ и /ω/ характерно и для некоторых архаических севернорусских говоров [Высотский 1967: 31]. Параллелизм отношений между аллофонами /ѹ/ и /ω/ существует в говорах с последовательно проведенным семифонемным вокализмом (при отсутствии тенденции к разрушению системы дифтонгов), о чем свидетельствует симметричное распределение их вариантов. Например, в говоре с. Татарино Каменского р-на Воронежской обл. дифтонг [ѹѹ] в соответствии с /ѹ/ отмечается в 76 % случаев, [yō] на месте /ω/ — в 72 % случаев, такая же картина характерна и для говора с. Исто́бного Репьёвского р-на Воронежской обл. (71 % и 72 % соответственно).

Тенденция к монофтонгизации в первую очередь затрагивает дифтонгические образования на месте /ω/, и лишь во вторую — на месте /ѹ/. Постепенное развитие этого процесса приводит к появлению асимметричных систем вокализма, которые характеризуются статистически значимым преобладанием дифтонгов типа [ѹѹ] над дифтонгами типа [yō]. Так, в с. Веретье звукотип [ѹѹ] фиксируется в 68 % случаев, тогда как [yō] — только в 39 %, то есть практически в два раза реже, что указывает на деградацию архаической системы вокализма [Дьяченко 2012: 37].

2. Фонемы /е/ и /о/

В отличие от /ѹ/ и /ω/, фонемы /о/ и /е/ в южнорусских архаических говорах не имеют обобщенного звукотипа определенной структуры и могут реализоваться целым спектром различных гласных: как монофтонгов, так и более сложных образований, локализующихся в зонах верхнего, верхне-среднего, среднего и средне-нижнего подъемов. Аллофоны этих фонем обладают одной характерной особенностью, связанной с их динамической структурой: все они отличаются резким возрастанием интенсивности в начальных фазах гласного и максимальной концентрацией энергии в его центральной части. Как правило, у этих гласных образований отсутствуют начальные переходные элементы, в результате чего характерный тембр звукотипа, реализующего фонемы /е/ и /о/, достигается в его первых же сегментах. Кроме того, аллофоны /е/ и /о/ имеют слабую степень аккомодации с предшествующими согласными, что также обуславливает специфику их звучания.

Самыми распространенными аллофонами /е/ и /о/ в южнорусских говорах следует признать гласные [е] и [ɔ]. Такое широкое распространение систем с несимметричным уровнем

подъема гласных на месте фонем второй ступени подъема, возможно, обусловлено следующей особенностью: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий» [Мартине 1960: 132].

В ряде говоров основной реализацией фонемы /е/ становятся монофтонги верхне-среднего или даже пониженно-верхнего подъема. Например, в с. Татарино в 59 % случаев в соответствии с /е/ произносятся гласные [ɛ] и [ɨ], они характерны для сильной и слабой фразовых позиций и употребляются как перед следующими мягкими, так и перед твердыми согласными, а также на конце слова: *пл[ʼɛ]сть, в[ʼɛ]чером, ч[ʼɛ]шем, натр[ʼɛ]шь, спек[ʼɛ]шь, сплет[ʼɛ], замет[ʼɛ], пряд[ʼɛ]; у дер[ʼɨ]вьях, пл[ʼɨ]сть, из ов[ʼɨ]чьей* и др.

Наличие того или иного звуко типа, реализующего /е/, а также тенденции развития частной системы гласных напрямую обусловлены особенностями артикуляционной базы говора. Так, для диалектной системы с. Татарино свойственна более передняя артикуляция ударных гласных; в результате чего «аллофоны фонем /и/ и /е/ продвигаются вперед и вверх, зона их пересечения становится больше» [Дьяченко 2011: 65]. Видимо, этой особенностью обусловлен переход в зону среднего подъема и основного аллофона фонемы /о/ — общее упреждение артикуляционной базы гласных способствует увеличению зоны безопасности между /о/ и /ω/. Звукотип [ɔ] в соответствии с /о/ сохраняется здесь как реликт и фиксируется в единичных примерах: *ɛ[ɔ]да, т[ɔ]нко*.

Появление гласных верхнего и верхне-среднего подъемов на месте /е/ разного происхождения перед мягкими согласными широко отмечается в среднерусских говорах [Копорский 1945: 13—14; Высотский 1949: 18; Сидоров 1966: 93—94; Антонова 1974: 28—29]. С. А. Копорский и В. Н. Сидоров считают, что эта специфическая языковая черта образовалась в результате взаимодействия говоров. Одна диалектная система имела на месте ударного *ѣ* перед мягкими согласными гласный [и], другая — гласный [е] (так же как и на месте *е*). Контактное влияние этих говоров привело к тому, что [и] распространился «на всякое *е* в положении между мягкими согласными» [Копорский 1945: 13—14; Сидоров 1966: 93—95].

Однако Р. Д. Антонова, исследовавшая инструментально-фонетическими методами владимирско-поволжский тип вокализма д. Белой Зеленодольского р-на Татарстана, показала, что возникновение этой диалектной особенности имеет сугубо фонетическое объяснение. По сравнению с литературным языком, а также многими другими диалектными системами говору д. Белой присуща более передняя артикуляция ударных гласных, которые «могут быть охарактеризованы как выдвинутые в пределах того же самого ряда». Произношение [и] на месте /е/ между мягкими согласными «связано с упрежденным характером ударного [е] в говоре, т. к. окружающие мягкие согласные еще более упреждают гласный [е], который достигает зоны переднего ряда, характерного для ударного [и]. Это в свою очередь влияет на уровень подъема» [Антонова 1974: 54—57].

Напротив, в тех говорах, где в соответствии с /е/ возможны гласные средне-нижнего подъема [ɛ] или [æ], ударные гласные переднего ряда обычно последовательно перемещаются в более задний ряд и более низкую зону образования, о чем свидетельствуют их средние значения F_1 и F_2 .

В некоторых диалектных системах фонема /о/ также может реализоваться гласным верхне-среднего подъема [ɔ]. Так, Е. С. Клейменова писала, что в говоре Кирейкова и Верхней Передели «спорадически *ѵ* выступает и в иных условиях — на месте *о* под нисходящим ударением или *о* из *ѣ*: *вѵс, у рѵѵ, вѵлка, хѵлат, ѵѵлат, ѵѵрла, кѵлас, с пѵлам, у гѵрат, кѵсѵѵ, мѵльѵѵ*» [Клейменова 1956: 62]. Случаи употребления [ɔ] на месте /о/ обнаружены и в магнитофонных записях, сделанных в с. Кирейково в 2009 г.: *под[ɔ]хнеть, пром[ɔ]ешь, [ɔ]сенью, д[ɔ]м, дв[ɔ]е, без[ɔ]м, круг[ɔ]м, нож[ɔ]м* и др. В этой позиции возможно также произношение гласного [o]: *н[o]чь, д[o]чь, с[ɔ]лечки, хт[o], пос[ɔ]дють, дв[ɔ]е, д[ɔ]сточки, кр[o]вь, нож[ɔ]м, как[ɔ]й-то, слеп[ɔ]й* и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в местной диалектной системе в ряде позиций происходит смешение аллофонов фонем /о/ и /ω/. По всей видимости,

распространение гласных [o] и [ɔ] на месте /o/ также связано с особенностями артикуляционной базы говора. Более напряженная артикуляция, свойственная местной фонетической системе, обуславливает меньший челюстной растрвор, чем в некоторых других южнорусских говорах, например, в рязанских или белгородских. В речи практически всех местных информантов в соответствии с /a/ отмечается гласный [a] или дифтонг с начальным участком средне-нижнего подъема ($F_1 = 600\text{—}750$ Гц), наиболее часто — после переднеязычных согласных.

Как показывают данные южнорусских архаических систем, звукотипы [ɔ] и [a] обычно не сосуществуют в пределах одного говора, поскольку возникает частичное наложение зон рассеивания /o/ и /a/ [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 14]. Как правило, оно устраняется за счет понижения подъема у аллофонов фонемы /a/, что отмечено, например, в вокалической системе села Солдатского. В исследуемом говоре этому препятствует меньшая степень челюстного растрвора, поэтому происходит постепенное передвижение фонемной границы /o/, на месте которой появляются гласные среднего и даже верхне-среднего подъемов, а также дифтонги с *o*-образной и *ɔ*-образной частями. Это способствует лучшему контрастированию аллофонов фонем /o/ и /a/, но создает условия для утраты противопоставления /ω/ ~ /o/. В речи любого информанта фонема /o/ в одних и тех же позициях может реализовываться несколькими вариантами: [ɔ], [o], [ɛ] или дифтонгами: $\partial[\omega\partial]м$, $\partial[\varepsilon\partial]м$, $\partial[o\partial]м$ и $\partial[\partial]м$; $\partial\partial[\varepsilon]е$, $\partial\partial[\partial]е$ и $\partial\partial[\partial]е$; *ведρ[ɔ]м* и *нож[ɔ]м*; *молод[ɔ]й* и *слеп[ɔ]й* и т. д.

Звукотип [ɔ] в исследуемом говоре постепенно расширяет сферу употребления и обычно произносится в новых словах: *бит[ɔ]ны*, *шт[ɔ]ры*, *зак[ɔ]нных*, *колх[ɔ]зу*, *шк[ɔ]лы*, *ваг[ɔ]н*. Монофтонг [ɛ] на месте /e/ фиксируется в единичных случаях (*н[ʼε]кому*, *н[ʼε]куда*, *с н[ʼε]ю*), чаще отмечаются дифтонгические образования с *ε*-образным участком (*рем[εε]нь*, *дер[ʼεε]мни*, *дет[ʼεε]й*, *Коз[ʼεε]льск*).

Таким образом, распространение [ɛ] и [ɔ] в соответствии с гласными 2-го уровня подъема обусловлено разными причинами и обычно не происходит параллельно. Например, в описанном выше говоре с. Татарино звукотип [ɛ] на месте /e/ отмечается в 59 % случаев, а звукотип [ɔ] на месте /o/ — только в 8 %.

Под фразовым ударением фонемы /e/ и /o/ могут реализоваться дифтонгоидами с первой более открытой и длинной фазой и второй — более короткой и закрытой: *огур[ʼεε]и*, *з[ʼεε]млю*, *подб[ωδ]жник* ('деревянная полочка для икон в переднем углу'), *лот[ωδ]к* и др. Значения F_1 первой и второй частей дифтонгоидов в среднем отличаются не более чем на 100 Гц, эти гласные имеют *e*-образный и *o*-образный тембр на всем своем протяжении. Длительность второй более закрытой части составляет около 30 % от длительности первой.

Подобные «квазидифтонги» перцептивно воспринимаются как настоящие дифтонги потому, что «при таком разворачивании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается “сползание” гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия». Поэтому короткая конечная фаза гласного, локализуемая на более высоком уровне подъема, воспринимается «как полноправный компонент дифтонга» [Касаткин 1999: 385].

Следует отметить, что дифференциация фонем /ʔ/ и /e/, /ω/ и /o/ может поддерживаться также качеством предшествующего им согласного: перед различными реализациями фонемы /e/ произносятся твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения, перед реализациями /ʔ/ — мягкие согласные; перед аллофонами /o/ — согласные с низкой степенью лабиализации, перед аллофонами /ω/ — сильно лабиализованные согласные.

Фонологическая дифференциация сочетаний /Cʼʔ/ и /Ce/ осуществляется за счет различий в аккомодации гласного с предшествующим согласным: аллофоны фонемы /ʔ/ обычно отличаются своей экскурсией от аллофонов /e/. Для реализаций /ʔ/ характерно высокое *и*-образное начало. Звуковые сочетания на месте /e/ могут иметь *ε*-образную первую фазу, однако зачастую переходный участок в экскурсии отсутствует: в этом случае они отличаются резким возрастанием интенсивности и достигают основного тембра гласного в первых же его фазах.

Как известно, в большинстве русских говоров развитие фонетической системы шло по пути становления категории «твердость / мягкость» у согласных, что, в частности, проявилось в распространении мягкого коррелята перед фонемой /е/. В результате аллофоны /е/, как и /ь/, сохраняя своеобразие реализаций, постепенно развивают в экскурсии *и*-образную фазу, что дает возможность адаптироваться к рекурсии мягких согласных. В большинстве современных южнорусских диалектных систем немягкий согласный перед /е/ характеризует лишь отдельные слова или формы слова, например в говорах липецко-воронежского ареала записаны примеры: *вез*[[̣]э]м, *пек*[[̣]э]м, *отсек*[[̣]э]м, *м*[[̣]э]льницу. Как правило, после немягкого согласного отмечаются качественно однородные гласные, без *и*-образного начала (после веляризованного согласного аллофоны /е/ обычно локализируются в области средне-нижнего подъема: *м*[[̣]э]льницу, *ш*[[̣]э]я), тогда как после мягкого — дифтонги и дифтонгоиды [Фомина 1982: 147]. В дальнейшем парные твердые согласные в указанной позиции произносятся лишь в некоторых местоименных наречиях: *отт*[[̣]э]да, *отс*[[̣]э]да, а также в косвенных падежах формы ед. ч. ж. р. *одна*: с *одн*[[̣]э]ю, у *одн*[[̣]э]й.

Со становлением категории твердости / мягкости согласных в южнорусских говорах связано появление на месте /е/ открывающихся дифтонгических образований типа [ѣ̣] или [ѣ̣̣]. В отдельных случаях возможно значительное увеличение начального элемента с *и*-образным тембром, что приводит к появлению на месте /е/ дифтонгов типа [и̣е], то есть происходит полное совпадение аллофонов /ь/ и /е/. Параллельно также разрушается оппозиция /ω/ ~ /о/, что, в частности, проявляется в появлении *у*-образного начала у дифтонга, репрезентующего /о/ [Там же: 145]. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов.

Система с рефlekсами семифонемного вокализма обнаружена, например, в говоре с. Апѹхтино Одоевского р-на Тульской обл.: фонема /е/ в речи старшего поколения «стабильно представлена восходящим дифтонгом [и̣е]» со второй частью, локализуемой в области передне-среднего ряда средне-нижнего подъема ($F_1 = 580\text{—}640$ Гц, $F_2 = 1800\text{—}2100$ Гц): *ов*[[̣]и̣е]ц, *в*[[̣]и̣е]рх, *дер*[[̣]и̣е]вни, *бер*[[̣]и̣е]зник, тогда как в соответствии с фонемой /ь/ обычно произносится восходящий дифтонг [и̣е] со второй частью, локализуемой в области переднего ряда среднего подъема ($F_1 = 500\text{—}580$ Гц, $F_2 = 2200\text{—}2700$ Гц): *за д*[[̣]и̣е]дой, *кип*[[̣]и̣е]ла, *на сторон*[[̣]и̣е], *хл*[[̣]и̣е]б, *на л*[[̣]и̣е]то и др.

Подобное соотношение характерно (менее последовательно) и для этимологических /о/ и /ω/: «при сознательном акцентировании, а также в сильной фразовой позиции» в речи некоторых информантов на месте фонемы /о/ зафиксирован восходящий дифтонг [ѳ̣̣]: *с*[ѳ̣̣]чные, *пос*[ѳ̣̣]хла, при этом фонема /ω/ «стабильно представлена восходящим дифтонгом [ѳ̣̣]»: *зоб*[ѳ̣̣]ты, *дом*[ѳ̣̣]в, *за дор*[ѳ̣̣]гой, *кор*[ѳ̣̣]ва, *ми*[ѳ̣̣]го, *нар*[ѳ̣̣]ду и др. [Родина 2012: 35—48].

Инструментально-фонетические исследования выявляют в южнорусских пятифонемных системах вокализма и другие рефlekсы этимологических /ь/ и /ω/, противопоставляющих их /е/ и /о/. Так, в говоре с. Матѳыра Луховицкого р-на Московской обл., относящего к Тульской группе межзональных говоров типа Б, на месте /ω/ «возможно появление гласного, отодвинутого назад по ряду», а на месте /ь/ — «сохранение одинаковой длительности ядра и НПЭ, что придает гласному *и*^е-образное звучание» [Кульшарипова 1974: 102, 107].

3. Фонемы /и/ и /у/

Во многих южнорусских говорах фонемы /и/ и /у/ реализуются звуками пониженного образования. Особенно часто гласные пониженного верхнего или верхне-среднего подъема отмечаются на месте /у/: подобные звукотипы зафиксированы в Белгородской, Воронежской,

² Наряду с [ѳ̣̣]. В целом различие между рефlekсами этимологических /ω/ и /о/ еще менее контрастно, чем между рефlekсами /ь/ и /е/: слабый контраст между соответствующими звукотипами делает выделение в местной системе фонематической оппозиции /ь/ ~ /е/ и /ω/ ~ /о/ проблематичным.

Липецкой, Орловской, Рязанской, Калужской областях, а также в некоторых севернорусских и среднерусских диалектных системах [Кульшарипова 1974: 114; Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 29; Фомина 1980: 8—9; Касаткина 1999: 137; Дьяченко 2012: 38—40]. Произношение пониженных гласных на месте фонемы /у/ в архаических системах вокализма всегда поддерживается наличием, во-первых, гласного средне-нижнего подъема [ɔ] в соответствии с /о/, во-вторых, дифтонгических образований на месте /ω/.

В некоторых диалектных системах значение F_1 аллофонов фонемы /у/ может достигать значения 500—550 Гц (при обычном 350—450 Гц). Очевидно, что наличие в ряде южнорусских говоров на месте /у/ гласных верхне-среднего подъема может создавать условия для смешения аллофонов фонем /ω/ и /у/. Особенно часто у-образные гласные в соответствии с /ω/ отмечаются в с. Кирейково, что, по-видимому, связано с общей напряженностью артикуляционной базы местного говора, в частности с напряженным характером гласного верхне-среднего подъема [ɔ]: *м[ý]лишься, пом[ý]лится, мол[ý]ли, б[ý]льше, пораб[ý]тали, хор[ý]шая, дор[ý]гу, нал[ý]гом, год[ý]в, в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м* и др.

Следует отметить, что ни в одном русском говоре указанная тенденция к переходу напряженного гласного [ɔ] в [у] не приобрела «устойчивости, а встречается лишь как случайное явление речи» [Высотский 1967: 43]. При этом в описанном калужском говоре намечается некоторая лексическая и грамматическая прикреплённость употребления звука [у] на месте /ω/. Так, формы глагола *молиться* и его производных с ударением на основе обычно имеют гласный [у]: *м[ý]лишься, пом[ý]лишься, пом[ý]лится*, так же как и формы ед. ч. П. п. прилагательных, числительных и местоимений: *в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м, в одн[ý]м*. Видимо, эта особенность обусловила появление флексии -ум и в безударном положении: *в девят[у]м, в пёрв[у]м, в конако́вск[у]м* (см. рукописные материалы «Диалектологического атласа русского языка»: *у кра́снум, у зау́ран'и́шнум, у з'и́л'о́нум, у то́нкум* (Запад 728, лист 87)).

Гласный на месте фонемы /у/ может иметь неоднородную структуру, примыкая по соотношению стационарных участков к дифтонгам. Как правило, фазы такого дифтонга имеют на всем протяжении у-образный тембр, отмечается незначительное изменение по ряду (переход в более передний или более задний ряд) или по подъему (обычно от более открытого участка к более закрытому). Дифтонгические рефлексy фонемы /у/ характерны и для некоторых других русских говоров, что свидетельствует о глубокой архаичности их вокалических систем [Касаткин 1999: 378].

Неоднородная структура может быть характерна также для аллофонов /у/, находящихся после мягких согласных, однако в обследованных южнорусских говорах подобные примеры немногочисленны: полноценные дифтонги в этой позиции встречаются значительно реже, чем на месте /'о/ и /'а/. Обычно в этой позиции произносится упрежденный гласный [у], его значение F_2 может достигать 1900 Гц.

Как правило, аллофоны фонемы /и/ после мягких согласных имеют более низкие значения F_1 по сравнению с аллофонами /у/; эта особенность, характерная и для русского литературного языка, связана с известной асимметричностью «трапецоида», обусловленной особенностями «строения ротовой полости и возможности движений языка» [Касаткин 2014: 34].

Спорадически в архаических южнорусских говорах в позиции перед [и] отмечаются мягкие согласные. Подобные примеры записаны в с. Кирейково: *нѣт'к'и, н'е ад'ѣн, ан'ѣ, у нѣх, кѣс'ѣи, пады́* (= пойди); а также в 1964 г. Л. Л. Касаткиным и Ю. Г. Сохацкой в д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл.: *пт'ѣцъ, платк'ѣ, ан'ѣ, см'ал'ѣ, мат'ѣф* [Касаткин 1999: 393]. Как правило, перед [и] в этих примерах произносится невелиризованный апикальный согласный, что и создает перцептивный эффект полумякости, а сам гласный несколько отодвинут назад по сравнению с литературным [и].

Помимо литературного [ы], образующегося в зоне среднего ряда, в южнорусских говорах отмечается два особых звукотипа: [ы́] и [ы̀]; первый звукотип, локализующийся в задней зоне и отличающийся значительной напряженностью, характерен для некоторых калужских

говоров [Касаткина 1999: 38], второй упередненный звукотип — для говоров воронежско-липецкого ареала [Фомина 1980: 9]. Как в первом, так и во втором случае [ы] может реализовываться неоднородным гласным, представляющим изменение по ряду: от более заднего к более переднему.

4. Фонема /а/

Наиболее распространенный аллофон фонемы /а/ в архаических южнорусских говорах — упередненный гласный нижнего подъема [а] с $F_1 = 700\text{—}900$ Гц, $F_2 = 1500\text{—}2000$ Гц; высокие значения F_2 свидетельствуют о более переднем, чем в литературном языке, образовании этого гласного [Фомина 1980: 5]. По данным З. М. Альмухамедовой и Р. Э. Кульшариповой, звукотип [а] «характерен для тех говоров, в которых употребителен [о] или [q]», что дает возможность увеличения контраста между аллофонами /а/ и /о/. Подобная особенность, то есть упереднение основных реализаций /а/, отмечается во многих южнорусских говорах: тульских, орловских, калужских, воронежских [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 13].

В некоторых оскольских говорах происходит значительное понижение подъема аллофонов /а/, появление на месте этой фонемы звука [а] с $F_1 = 1000$ Гц. Подобное изменение связано, во-первых, с общей тенденцией звукового строя говора к локализации гласных в более низкой зоне, во-вторых, с конкуренцией старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу: понижение подъема ударного [а] создает необходимый контраст с а-образными гласными 1-го предударного слога, образующимися на более высоком уровне подъема.

Реализации фонемы /а/ также могут быть представлены дифтонгами и полифтонгами: как правило, сложный звук на месте /а/ состоит из двух фаз — первой более закрытой и второй более открытой, хотя иногда в этой позиции отмечаются и закрывающиеся дифтонги типа [а̠а̠]. В речи некоторых информантов старшей возрастной группы первый участок подобного звукового комплекса может образовываться в зоне передне-среднего ряда повышено-нижнего подъема и имеет ε -образный тембр: *ведр*[ǣ̠], *у бинт*[ǣ̠]х (для начальной фазы характерна F_1 в области 640—700 Гц и $F_2 = 1800\text{—}2000$ Гц).

После мягкого согласного на месте /а/ довольно часто произносятся дифтонги или дифтонгоиды с начальной *e*-образной или *y*-образной фазами: *в лагерь*[’ēa]х, *ч*[’ēa]с, *оставл*[’ēa]ть, *кол*[’ēa]ска, *пр*[’ēa]ли, *нелъз*[’iā], *сто*[jǣa]ть, *на плеч*[’iā]х, *удар*[’iā]ть, *п*[’iā]тнами и др. Подобные примеры широко распространены в различных южнорусских говорах и могут встречаться в диалектных системах, не обладающих другими архаическими чертами, например в говорах Тульской группы. Следует отметить, что перед дифтонгом [ēa] могут произноситься твердые согласные: *м’итēашка*, *рēадѣм*, *лѣшадѣах*, *фсѣак’иш* [Касаткина 1999: 127], что дает возможность интерпретировать эти гласные звуки как представителя особой фонемы /а/, см. [Касаткин 1999: 153, 371].

5. Диахроническая интерпретация материала

Проблема происхождения фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/, их артикуляционных особенностей и позднейших трансформаций в восточнославянских языковых ареалах рассматривалась во многих работах диалектологов и историков языка. В обобщенном виде многочисленные гипотезы, высказанные по этому вопросу, можно свести к двум основным реконструкциям. Первая реконструкция предполагает, что в древнерусском языке фонема /ѣ/, а также фонема /ω/, вошедшая в систему позднее, реализовались гласными неоднородного тембра. Эта теория была выдвинута А. А. Шахматовым³ в 1912 г.: «В весьма древнюю эпоху жизни русского языка имело место диалектологическое явление, по которому исконное *о* в положении

³ Впрочем, еще Ф. Ф. Фортунатов писал о дифтонгическом характере ѣ в общерусском языке [Фортунатов 1957: 14, 50, 55].

под ударением за согласную переходило в дифтонг $\hat{u}\hat{o}$ <...>. Утверждает меня в таком предположении параллельное развитие $\hat{ie}$ — $\hat{e}$ в тех говорах, где известны $\hat{u}\hat{o}$ — $\hat{o}$; едва ли подлежит сомнению, что $\hat{ie}$ (из древнего $\hat{b}$) древнее $\hat{e}$ (на месте $\hat{b}$)» [Шахматов 1964: 117].

Теория А. А. Шахматова была развита в работах Н. Н. Дурново, который также считал, что «гласные $\hat{b}$ и $\hat{o}$ старое (не из $\hat{b}$) под восходящим ударением <...> звучали как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъема, или как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части», что подтверждается данными «архаических северно-великорусских и северномалорусских говоров»; неоднородность тембра гласного / $\hat{b}$ / древнерусский язык унаследовал из праславянского [Дурново 2000/1924: 112, 179, 184—185].

Другая реконструкция связана с именем А. М. Селищева⁴. Полемизируя с Н. Н. Дурново, А. М. Селищев писал: «Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие, сербохорватские $\hat{ie}$ в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида $\hat{ie}$ данных групп в их отдельной жизни? Ведь $\hat{ie}$ в этих говорах может быть и вместо $*\hat{e}$, подвергшегося удлинению и вместе с тем сужению $\hat{e}$ <...>. Параллельно с этим происходила судьба $\hat{\delta}$: $\hat{\delta} \rightarrow \hat{u}\hat{o}$...» [Селищев 1968/1927: 175—176].

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в центре внимания исследователей находилась проблема эволюции фонем / $\hat{b}$ / и / $\hat{o}$ /, но оставались в стороне вопрос о развитии их коррелятов / $\hat{e}$ / и / $\hat{o}$ /, а также проблема практической реализации противопоставления / $\hat{b}$ / ~ / $\hat{e}$ / и / $\hat{o}$ / ~ / $\hat{o}$ / на различных исторических этапах развития. Подобное изолированное рассмотрение судьбы фонем верхне-среднего подъема (вне общего вокалического контекста) было определено общим уровнем знания о языковой системе русского диалектного языка. Теоретические схемы, созданные изначально как гипотетические диахронические модели, затем всегда верифицируются фактами современных говоров, сохраняющих в своей массе архаические пережитки различных этапов развития. Однако в конце XIX — первой половине XX в. исследователи еще не имели в своем распоряжении необходимого фактического материала: артикуляционные и акустические характеристики гласных как элементы различных фонологических систем, характерных для русских говоров, долгое время оставались малоисследованной областью диалектологии. Такое положение препятствовало детальному изучению компонентов языковой структуры.

Много нового для решения вопроса вокалической реконструкции дала обработка материалов «Диалектологического атласа русского языка», а также экспериментально-фонетическое изучение русских говоров, проведенное С. С. Высотским, Р. Ф. Касаткиной, Л. Л. Касаткиным, группой казанских фонетиков под руководством З. М. Альмухамедовой. В результате этой работы был создан «фонд объективных, свойственных определенному звуковому строю данных», полученных «в результате точных физических и математических методов измерения компонентов звуков речи — тембра, длительности, интенсивности, высоты» [Высотский 1967: 5]. Правильное представление о физической природе гласных образований имеет существенное значение не только для их фонологической интерпретации, но и для выявления этапов исторического развития вокализма различных говоров, неслучайно постепенное накопление нового материала, а также развитие инструментальных методов исследования в фонетике способствовали уточнению и пересмотру старых эволюционных концепций.

Так, С. С. Высотский обнаружил в говоре д. Лёка Шатурского р-на Московской обл., который ранее обследовал А. А. Шахматов, не только дифтонги [$\hat{ie}$] и [$\hat{u}\hat{o}$] в соответствии с фонемами / $\hat{b}$ / и / $\hat{o}$ /, но также дифтонги [$\hat{ei}$] и [$\hat{ou}$] в соответствии с / $\hat{e}$ / и / $\hat{o}$ / [Высотский 1949: 24—31]. Такое противопоставление «н и с х о д я щ и х дифтонгов, а чаще — дифтонгоидов $\hat{\delta}$, $\hat{e}$ дифтонгическим образованиям обратной структуры — в о с х о д я щ и м $\hat{u}\hat{o}$, $\hat{ie}$

⁴ О. Брок, обнаруживший дифтонги на месте $\hat{b}$ и $\hat{o}$ в говоре с. Шуйского Тотемского уезда Вологодской губ., также считал, что сочетания [$\hat{ie}$] и [$\hat{u}\hat{o}$] представляют собой дальнейшее развитие первоначальных однородных гласных [$\hat{e}$] и [$\hat{o}$], являются результатом «распадения» последних [Брок 1907: 31—32, 50—51].

создает в говоре значительный контраст, способствующий различению фонем /o/ и /ω/, /e/ и /ѣ/» [Высотский 1967: 44]. В различных русских говорах в разное время были отмечены и другие дифтонги: [оу] (в соответствии с [y]), [ѣи] (в соответствии с [ы]), [ѣа], [ѣя], [ѣо], [ѣю], [ѣу] (в соответствии с [ʼa], [ʼo], [ʼy]), подробнее см. [Касаткин 1999: 376–389].

Наличие в некоторых диалектных системах под ударением разнообразных дифтонгов Л. Л. Касаткин объясняет архаичностью их вокалических систем: «Исторический процесс развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор» [Касаткин 1999: 390]. Проанализировав структуру распределения гласных неверхнего подъема в подобных архаических русских говорах различной локализации, Л. Л. Касаткин пришел к выводу, что в наиболее архаичном виде семифонемная система вокализма реализовалась как система восходящих и нисходящих дифтонгов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов: [уо] ~ [оу] и [ѣе] ~ [ѣи] [Там же: 388–389].

Материал южнорусских говоров полностью подтверждает это предположение: наличие однотипных образований определенной структуры на месте /ѣ/ и /ω/ в говорах различной локализации свидетельствует о дифтонгической природе этих гласных в древнерусском языке. В пользу данного предположения говорит также характер субституций фонемы /ѣ/ в севернорусских, украинских и белорусских говорах: здесь отмечаются различные монофтонги верхнего, верхне-среднего, среднего подъемов, а также различные сложные гласные образования, которые легко возводятся к дифтонгу **іѣ*.

Вероятно, дифтонги на месте /ѣ/ обладали в древнерусском языке диалектной спецификой, связанной с распределением интенсивности и длительности между их компонентами. Так, в русских говорах новгородского типа, а также в подавляющем большинстве украинских говоров *ѣ* изменился в [и] ([i]) уже в XII—XIV вв. «Такое раннее изменение дифтонга на месте *ѣ* в *i* объясняется тем, что в соответствующих восточнославянских говорах издавна более отчетливо произносилась начальная закрытая часть дифтонга *іѣ*» [Мельничук 1966: 104]. В других диалектных системах первая часть звукового комплекса *іѣ* была более краткой и/или менее интенсивной, что акустически сближало его с монофтонгом [е] и обусловило в дальнейшем переход *ѣ* в [е], см. [Горшкова 1972: 110]. Восточнославянские говоры, сохраняющие дифтонги на месте /ѣ/⁵, и сегодня демонстрируют диалектные различия в распределении силы звука и соотношении компонентов соответствующих гласных образований, см. [Высотский 1967: 28–31; Касаткин 1999: 379–382; Ищенко 2010].

Однако «дифтонг — само по себе неустойчивое сочетание звуков», поэтому монофтонгизация «принадлежит к числу очень частых и распространенных явлений в языках мира» и возможна «как неспецифическая реакция на любые возмущающие обстоятельства» [Чекман 1979: 146]. В русском языке утрата дифтонгов связана с развитием тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы: дифтонги — это неоднородные звуки, которые образуются в результате сложного комплекса движений артикуляционных органов [Касаткин 1999: 135].

Актуализация названной тенденции приводит к трансформации исходной прототипичной системы ударного вокализма, к преобразованию дифтонгов [уо] ~ [оу] и [ѣе] ~ [ѣи] в монофтонги. Этот процесс проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /o/ и /e/, на втором — восходящие. В зависимости от конкретной системы на месте фонемы /ω/ появляются звуки верхне-среднего и среднего подъемом [o] и [o], на месте фонемы /o/ — звуки среднего и средне-нижнего подъемов [o] и [ɔ]; основными реализациями фонемы /ѣ/ становятся гласные [е] и [е], фонемы /е/ — гласный [е].

Монофтонгизация дифтонгов перестраивает вокалическую систему говоров. И хотя в результате количество гласных фонем остается прежним (в отдельных системах возможно

⁵ А также на месте /ω/ в соответствии с различными принципами распределения /ω/ и /o/, свойственными восточнославянским диалектам [Зализняк 1985: 173–174].

лишь появление зон неразличения), в артикуляционном пространстве увеличивается число монофтонгов, что ведет к значительному уменьшению вариативности артикуляторных характеристик гласных фонем. Сокращение зон рассеивания аллофонов требует более сильного напряжения речевого аппарата при их произнесении, что снова входит в противоречие с развивающейся тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы. Существует два пути устранения этого противоречия.

Во-первых, возможно упрощение самой системы предупредного вокализма, устранение противопоставления фонем /ω/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/. Как правило, в результате складывается пятифонемная система вокализма, сходная в общих чертах с системой литературного языка. Подобное развитие характерно для Курско-Орловской и Тульской групп: здесь представлены пятифонемные системы вокализма, которые могут сохранять лишь следы прежнего различия /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ или лексикализованное произношение [и] в соответствии с фонемой /ѣ/ (примеры см. в [Касаткина 1999: 66, 84—85, 89; Савинов 2013: 184]).

Во-вторых, расширение артикуляционных зон семи гласных фонем возможно за счет увеличения челюстного раствора. Очевидно, что чем «больше раствор, тем меньшая напряженность артикуляции нужна, чтобы произвести “нужное” качество звука» [Касаткин 1999: 133]. При расширении артикуляционного пространства основными реализациями фонем /о/ и /е/ становятся исключительно гласные средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ], причем гласный [ɔ] может смещать локус в зону аллофонов фонемы /а/ литературного языка, соответственно, на месте фонемы /а/ в такой системе появляются более открытые или упереденные звуки, что отмечается, например, в некоторых белгородских говорах. Аллофоны фонем /ω/ и /ѣ/ обычно локализируются в зоне среднего подъема. Подобный вариант развития возможен только при наличии в говорах тенденции к симметричности, «геометризации» отношений между гласными. Ее действие приводит к развитию систем противопоставлений /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/ как оппозиции двух степеней подъема: средний ~ средне-нижний.

Однако различение четырех степеней подъема, как правило, довольно быстро устраняется системой: семь гласных фонем в большинстве русских говоров могут последовательно функционировать только при стабильном сохранении дифтонгических образований на месте /ѣ/ и /ω/. Исключение представляют лишь некоторые северо-восточные (вологодско-вятские) и юго-западные (калужские) говоры, отличающиеся напряженной артикуляционной базой.

Поэтому даже в тех говорах, где происходит расширение артикуляционного пространства, вокалическая система со временем также упрощается за счет совпадения фонем /ω/ и /о/, /ѣ/ и /е/. Описанная тенденция приводит к формированию пятифонемной системы вокализма. Ее главная особенность: фонемы /о/ и /е/ реализуются гласными более пониженного подъема, чем в литературном языке: на месте /о/ произносится открытый слабо лабиализованный [ɔ], на месте /е/ — [ɛ]. Наличие большой зоны рассеивания для реализаций фонем /и/ и /у/ определяет потенциальную возможность сохранения ими пониженной зоны образования (подобные вокалические системы представлены в некоторых рязанских, тульских, а также среднерусских акающих говорах [Высотский 1967: 25; Кульшарипова 1974: 114; Касаткина 1999: 137]).

Произношение неоднородных гласных на месте [ы] также можно признать архаической диалектной чертой, которая, по всей видимости, свидетельствует о том, что в праславянский период «делабиализация *u₁» проходила через стадию дифтонгизации (но не бифонемизации!) *u₁ > **[ѣ] > *y₁» [Попов 2004: 152].

В результате делабиализации древнего *ū появился гласный заднего ряда [ш], который затем через стадию дифтонга начал продвигаться в более передний ряд. Это изменение было обусловлено общим давлением системы: в частности, развитием в славянских языках «нового» и (из дифтонгов *аи и *ои). Однако долгое время упередение гласного [ы] было ограничено. По всей видимости, до формирования противопоставления согласных по твердости/мягкости в русских говорах твердые (немягкие) согласные произносились не только перед [ы], но и перед [и]. Эти гласные выступали в одной и той же позиции и представляли на этом этапе разные функциональные единицы. Основной реализацией фонемы /и/ был

звук [и], сдвинутый (как в украинском языке) в область передне-среднего ряда, основной реализацией фонемы /ы/ — гласный заднего ряда [ы]⁶.

Возможно, контраст между аллофонами /ы/ и /у/ создавался не только наличием /отсутствием лабиализации, но и основной зоной их локализации: в соответствии с фонемой /у/ произносились гласные понижено верхнего или верхне-среднего подъема. Лишь после утверждения у согласных фонологической категории твердости /мягкости происходит упреждение гласных [и] и [ы], что обусловило и возможность повышения подъема основных реализаций фонемы [у]. Таким образом, можно согласиться с Р. Э. Кульшариповой, которая считает звукотип [у] верхне-среднего подъема более архаичной (по сравнению с [у] верхнего подъема) реализацией фонемы /у/ [Кульшарипова 1974: 114].

Заключение

Таким образом, в большинстве архаических русских говоров конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /ѡ/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности); это свидетельствует о том, что в подобных системах с фонетической точки зрения отсутствует различие четырех уровней подъема гласных, а часть фонем представлена сочетанием реализаций некоторых других фонем. Следует также иметь в виду, что противопоставление верхне-среднего и среднего подъемов, постулируемое иногда для фонем /ѣ/ ~ /е/ и /ѡ/ ~ /о/, в целом «достаточно неустойчиво и обычно поддерживается (сопровождается) каким-то другим признаком» [Попов 2004: 236].

Фонетическая структура основных дифтонгов в соответствии с /ѣ/ и /ѡ/ обнаруживает полный параллелизм, что, во-первых, свидетельствует о дифтонгической природе гласного /ѣ/ в древнерусском языке, во-вторых, подтверждает мнение о том, что фонема /ѡ/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы [Там же: 151].

Иное соотношение отмечается между основными аллофонами /е/ и /о/, что объясняется общими различиями в поведении передних и задних гласных. То есть тенденция к симметризации вокалической системы всегда «принципиально ограничена асимметрией речевого аппарата» [Журавлев 1986: 178] и проявляется в большинстве говоров с семифонемным вокализмом как тенденция, которая обычно не получает последовательного выражения.

Фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /у/, /о/ и /е/, а также упрежденность реализаций фонемы /а/ также могут свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /ѡ/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. [Al'mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. *Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh* [Vowel reduction and word prosody in the Russian dialects with okanye]. Kazan: Kazan State Univ., 1980.]
- Антонова 1974 — Антонова Р. Д. Экспериментально-фонетическое изучение вокализма говора д. Белой Зеленодольского района ТАССР. Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский государственный университет, 1974. [Antonova R. D. *Eksperimental'no-foneticheskoe izuchenie vokalizma govora d. Beloi Zelenodol'skogo raiona TASSR. Kand. diss.* [An experimental phonetic study of vocalism in the dialect of Belaya village, Zelenodolsk district, TASSR. Cand. diss.]. Kazan: Kazan State Univ., 1974.]
- Брок 1907 — Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXIII. № 4. СПб., 1907.

⁶ Рефлексы подобной системы до сих пор отмечаются в некоторых архаических севернорусских говорах [Касаткин 1999: 145—166, 365—375].

- [Brok O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoi chasti Totemskogo uezda* [A description of a dialect from the south-western part of the Tot'ma district]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. 83. No. 4. St. Petersburg, 1907.]
- Васильев 1929 — Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о происхождении звука *о* в великорусском наречии. Сборник по русскому языку и словесности. Т. I. Вып. 2. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. [Vasil'ev L. L. *O znachenii kamory v nekotorykh drevnerusskikh pamyatnikakh XVI—XVII vekov. K voprosu o proiskhozhdenii zvuka o v velikorusskom narechii* [About the meaning of kamora in some Old Russian XVI—XVII-centuries literary texts. The origin of “o” sound in the Russian dialects revisited]. *Sbornik po russkomu yazyku i slovesnosti*. Vol. I. No. 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1929.]
- Высотский 1949 — Высотский С. С. О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 3—71. [Vysotskii S. S. About the dialect of Leka village (Based on the materials of the expedition of 1945). *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949. Pp. 3—71.]
- Высотский 1967 — Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5—82. [Vysotskii S. S. Determination of vowel phonemes inventory in connection with sound quality in Northern Russian dialects. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov*. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 5—82.]
- Горшкова 1972 — Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. [Gorshkova K. V. *Istoricheskaya dialektologiya russkogo yazyka* [Historical dialectology of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1972.]
- Дурново 2000/1924 — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. [Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Дьяченко 2011 — Дьяченко С. В. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной конференции. М.: МГУ, 2011. С. 64—68. [D'yachenko S. V. A system of stressed vowels in the Russian dialects of the western part of Voronezh region. *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernsheina. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Moscow State Univ., 2011. Pp. 64—68.]
- Дьяченко 2012 — Дьяченко С. В. Наблюдения над ударным вокализмом трех архаических воронежских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 36—40. [D'yachenko S. V. Observations on the stressed vowels of three archaic dialects in Voronezh region. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2012. Pp. 36—40.]
- Жуковская 1954 — Жуковская З. В. Говоры западной части Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания, 1954. [Zhukovskaya Z. V. *Govory zapadnoi chasti Voronezhskoi oblasti. Kand. diss.* [The dialects of the western part of Voronezh region. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, 1954.]
- Журавлев 1986 — Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. [Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Ищенко 2010 — Ищенко О. С. Дифтонги в північноукраїнських діалектах (за даними інтонографування) // Волинь-Житомирщина: Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир: Вид-во Житомирського державного університету, 2010. С. 89—100. [Ishhenko O. S. Diphthongs in the Northern Ukrainian dialects (based on the data of intonography). *Volyn'-Zhytomyrshhyina: Istoryko-filologichnyy zbirnyk z regional'nyh problem*. Zhytomyr: Zhytomyr State Univ., 2010. Pp. 89—100.]
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. [Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1999.]
- Касаткин 2014 — Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2014. [Kasatkin L. L. *Sovremennyyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Akademiya, 2014.]

- Касаткина 1991 — Касаткина Р. Ф. (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1: Севернорусские говоры. Москва; Бохум, 1991. [Kasatkina R. F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 1: Severnoruskie govory* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part I: Northern Russian dialects]. Moscow; Bohum, 1991.]
- Касаткина 1999 — Касаткина Р. Ф. (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 2: Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999. [Kasatkina R. F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 2: Yuzhnorusskoe narechie* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part 2: Southern Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1999.]
- Клейменова 1956 — Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской области. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания, 1956. [Kleimenova E. S. *Govory yuzhnoi chasti Kaluzhskoi oblasti. Kand. diss.* [Dialects of the southern part of Kaluga region. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, 1956.]
- Копорский 1945 — Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл. // Учен. зап. Калнинского пед. ин-та. Т. X. Вып. 3. Калинин, 1945. С. 3—163. [Koporskii S. A. Archaic dialects of Ostahkov district, Kalinin region. *Uchenye zapiski Kalininskogo ped. in-ta*. Vol. X. No. 3. Kalinin, 1945. Pp. 3—163.]
- Кульшарипова 1974 — Кульшарипова Р. Э. Экспериментально-фонетическое исследование некоторых среднерусских говоров. Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский государственный университет, 1974. [Kul'sharipova R. E. *Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie nekotorykh srednerusskikh govorov. Kand. diss.* [Experimental phonetic study of some Central Russian dialects. Cand. diss.]. Kazan: Kazan State Univ., 1974.]
- Мартине 1960 — Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [Martinet A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in phonetic changes]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960.]
- Мельничук 1966 — Мельничук О. С. (ред.). Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Київ: Наукова думка, 1966. [Mel'nychuk O. S. (ed.). *Vstup do porivnjal'no-istorychnogo vyvchen-nja slov'jans'kyh mov* [Introduction to comparative-historical study of the Slavic languages]. Kyi'v: Naukova dumka, 1966.]
- Панов 1968 — Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968. [Panov M. V. (ed.). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory* [The Russian language and the Soviet society. Phonetics of Modern Literary Russian. Traditional dialects]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Попов 2004 — Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004. [Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [The problems of synchronic and diachronic phonology of the Russian language]. St. Petersburg, 2004.]
- Родина 2012 — Родина М. А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. [Rodina M. A. *Govor sela Apukhtino Odoevskogo raiona Tul'skoi oblasti (sistemno-yazykovoï analiz)*. Kand. diss. [The dialect of Apukhtino village, Odoev district, Tula region (systemic linguistic analysis). Cand. diss.]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Univ., 2012.]
- Савинов 2013 — Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. [Savinov D. M. *Evolutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh. Dokt. diss.* [The evolution of vowel systems in South Russian dialects. Doct. diss.] Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2013.]
- Савинов 2014 — Савинов Д. М. Динамика ударного вокализма в одном калужском говоре // Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Проблемы фонетики. VI: К 85-летию Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2014. С. 297—320. [Savinov D. M. Dynamics of stressed vowels in one of Kaluga dialects. *Problemy fonetiki. VI: K 85-letiyu L. L. Kasatkina*. Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds). Moscow: AST-PRESS, 2014. Pp. 297—320.]
- Селищев 1968/1927 — Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. [Selishchev A. M. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Prosveshchenie, 1968.]
- Сидоров 1966 — Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1966. [Sidorov V. N. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka* [From the history of the sounds of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Фомина 1980 — Фомина Т. Г. Вокализм акающего говора с архаическим диссимилятивным яканьем задонского типа (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов:

- Саратовский государственный университет, 1980. [Fomina T. G. *Vokalizm akayushchego govora s arkhaicheskim dissimilyativnym yakan'em zadonskogo tipa (po eksperimental'nym dannym). Avtoref. kand. diss.* [Vowels of a dialect with akanye with archaic dissimilative yakanye of Zadonsk type (based on experimental data). Author's abstract of the cand. diss.] Saratov: Saratov State Univ., 1980.]
- Фомина 1982 — Фомина Т. Г. К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Собиенникова В. И. (ред.). Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1982. С. 142—149. [Fomina T. G. On the quality of the vowel phonemes <e>, <o> in one South Russian dialect (based on experimental data). *Materialy po rusско-slavyanskomu yazykoznaniiyu*. Sobinnikova V. I. (ed.). Voronezh: Voronezh Univ., 1982. Pp. 142—149.]
- Фортунатов 1957 — Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Просвещение, 1957. [Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie, 1957.]
- Чекман 1979 — Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск: Наука и техника, 1979. [Chekman V. N. *Issledovaniya po istoricheskoi fonetike praslavyanskogo yazyka* [Studies in historical phonetics of the Proto-Slavic language]. Minsk: Nauka i Tekhnika, 1979.]
- Шахматов 1964 — Шахматов А. А. Дифтонги *yō* и *iē* в великорусских говорах // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 110—120. [Šakhmatov A. A. The diphthongs *yō*, *iē* in Russian dialects. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 5. Pp. 110—120.]

Статья поступила в редакцию 03.02.2015.